

Г. Михайлэ

ВОПРОСЫ СОСТАВЛЕНИЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СЛАВЯНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

1.

Первый этимологический словарь румынского языка, составленный А. Чихаком (A. de Cihaș), появился почти девять десятилетий тому назад. В него вошли как слова латинского фонда румынского языка, так и заимствования из соседних языков, среди которых первое место занимают славянские¹. Этот важный труд, составляющий начало научного изучения румынской лексики в целом, принадлежит, со всеми своими положительными и отрицательными чертами², к «героическому» и «романтическому» периоду румынской лексикографии, вершиной которого является неоконченный *Etymologicum Magnum Romaniae* (т. I—IV, Бухарест, 1886—1898) современника Чихака — Б. П. Хаждеу.

Чихак собрал в своем словаре все разнородные по происхождению слою румынского языка, стараясь, по словам Л. Шаиняну, все объяснить: «хорошее или плохое, объяснение все равно дается»³. На самом деле, не преуменьшая значения труда Чихака, его современники и последующие поколения исследователей отметили серьезные упущения и неточности в отдельных разделах словаря, в особенности во второй части, в частности в разделе «славянских элементов». Причиной этих недостатков был хотя бы тот факт,

¹ A. de Cihaș, *Dictionaire d'étymologie daco-romane*. I: *Éléments latins comparés avec les autres langues romanes*; II: *Éléments slaves, magyars, turcs, grecs-moderne et albanais*. Francfort s/M. 1870—1879.

² Объективный синтез критик современников Чихака дал Л. Шаиняну в своей *Istoria filologiei române*², Buc. 1885, стр. 198—206. См., в последнее время, I. Șiadbei, *Lexicografia română și istoria cuvintelor*, «Limba română», 1957, No. 6, стр. 20—21.

³ Указ. раб., стр. 200.

что на той стадии развития румынской (и, отчасти, европейской) этимологической лексикографии, Чихак не мог с одинаковой компетентностью решить все этимологии румынского языка, как латинские, так и славянские, венгерские, турецкие или греческие, не говоря уже об автохтонных, которые до сих пор остаются недостаточно изученными. Само сравнительно-историческое языкознание находилось в то время в начале второго своего периода развития, периода ознаменовавшегося крупными успехами конца XIX в. и первых десятилетий XX в. В последующие десятилетия появились новые этимологические словари основных индо-европейских языков, в частности романских и славянских, которые легли в основу этимологических разысканий до настоящего времени.

Следующее поколение исследователей вновь обратилось к этимологическому изучению, в первую очередь, латинского фонда как основы румынского языка. Три десятилетия спустя С. Пушкарю напечатал свой *Etymologisches Worterbuch der rumänischen Sprache. I. Lateinisches Element* (Heidelberg, 1905). Вскоре после этого, И. А. Кандря и О. Денсушяну начали опубликовывать такой же «Этимологический словарь румынского языка. Латинские элементы» (*Dictionarul etimologic al limbii române. Elementele latine*, fasc. 1—4, A — Putea, Buc. 1907—1914), к сожалению не оконченный. Эти две работы остаются до настоящего времени основными источниками по этимологиям латинского фонда румынского языка, но и они, после 50 лет, нуждаются в серьезных дополнениях.

Одновременно, специалисты по разным соседним языкам вновь подвергли исследованию венгерские, греческие и турецкие заимствования. Так, уже в конце прошлого столетия появились одна за другой работы: С. К. Мындреску «Венгерские элементы румынского языка» (*Elemente ungurești în limba română*, Buc. 1892), где слова распределены на две большие категории: 1) диалектальные слова и 2) общенародные слова; Г. Г. Мурну «Исследование о до-фанариотском греческом элементе в румынском языке» (*Studiu asupra elementului grec antefanariot în limba română*, Buc. 1894), в котором различаются слова, проникшие в румынский язык через посредство других языков (главным образом, церковнославянского), и прямые заимствования (последние составляют меньшее число)⁴; Л. Шаиняну «Восточное влияние на румынский язык и культуру» (*Influența orientală asupra limbii și culturii române*, vol. I—II, Buc. 1900), посвященное турецкому влиянию на румынский язык, являющееся моделью серьезной трактовки подобного рода проблемы.

⁴ См. «Введение», стр. IX и след. Греческие заимствования последующих веков были впоследствии изучены L. Gál di, *Les mots d'origine néo-grecque en roumain à l'époque des Phanariotes*, Budapest, 1939.

Что касается влияния славянских языков на румынский язык, следует отметить что после выхода в свет словаря Чихака появилось довольно много работ и статей, как в самой Румынии, так и за границей, занимающихся этой проблематикой. Однако, до настоящего времени основное внимание исследователей было обращено на фонетическую сторону заимствованных слов, в связи с общей проблемой датировки древнеславянского влияния, а также определения славянских диалектов, которые соприкасались с румынскими. Богатый материал содержат в этом отношении работы И. Барбулеску, посвященные фонетике славянских элементов румынского языка⁵, и в особенности книга А. Росетти «Влияние южнославянских языков на румынский язык (VI—XI вв.)» — (*Influența limbilor slave meridionale asupra limbii române* (sec. VI—XII), Buc. 1956)⁶, а также ряд статей Э. Петровича, опубликованных в последние два десятилетия в «Dacoromania», «Studii și cercetări lingvistice» и других журналах. В последнее время Э. Петрович усердно разрабатывает вопросы славянского влияния на фонетическую систему румынского языка⁷, а также проблемы славяно-румынской топонимики. В известной мере изучено славянское влияние на румынскую морфологическую систему⁸ и словообразование⁹, хотя последнее нуждается ещё в детальном исследовании, и только начинается изучение семантики славянских заимствований румынского языка¹⁰.

Сама лексика славянского происхождения была изучена в ряде работ с точки зрения группировки по реалиям слов, проникнутых в румынский язык

⁵ См., в частности его книгу *Individualitatea limbii române și elementele slave vechi*, Buc. 1929 (Критику её недостатков см. у Al. Rosetti, *Mélanges de linguistique et de philologie*, Copenhagen — București, 1947, стр. 301—308).

⁶ Пересмотренное и дополненное издание третьего тома *Istoria limbii române*, Buc. 1940 (см. нашу рецензию в «Studii și cercetări lingvistice», VIII, No. 1—2, 1956, стр. 140—143).

⁷ См., в особенности, *Influența slavă asupra sistemului fonemelor limbii române*, Buc. 1956; *Kann das Phonemsystem einer Sprache durch fremden Einfluss umgestaltet werden? Zum slavischen Einfluss auf das rumänische Lautsystem*, 's-Gravenhage, 1957.

⁸ См., в частности, Al. Rosetti, *Influența*, стр. 30 и след. (ILR, III, стр. 66 и след.); ср. М. К ř e p i n s k y, в *Actes du Sixième Congrès international des linguistes*, Paris, 1949, стр. 317—324 (ответ на 4-й вопрос).

⁹ См., например, O. Densușianu, *Histoire de la langue roumaine*, I, Paris, 1901, стр. 244—245; G. Pascu, *Sufixe românești*, Buc. 1916.

¹⁰ Кроме старой работы Л. Шаиняну «Опыт по семасиологии румынского языка» (*Incercare asupra semasiologiei limbii române*, Buc. 1887), можно сослаться здесь лишь на отрывочные указания в работах А. И. Яцимирского, О. Денсушяну, С. Пушкариу, А. Росетти, А. Граура и др. и на статью Р. А. Будагова, *Славянское влияние на румынский язык*, «Вестник Лгр. ун-та», 1947, № 12, стр. 80—94. См. Г. М и х а и л э, *Слова древнеславянского происхождения в румынском языке*. Автореферат диссертации, Москва, 1957, стр. 10—16; его же, *Некоторые вопросы изучения семантики древнеславянских заимствований в румынском языке*, «Вопросы славянского языкознания», вып. 4 (в печати).

в древнейшую эпоху соприкосновения румынских диалектов с юго-восточно-славянскими (болгарского типа). Используя материал, впервые собранный Фр. Миклошичем в своей известной работе *Die slavischen Elemente im Rumänischen* (Wien, 1861), которая положила основы «славо-румынистики», и в словаре А. Чихака, историки румынского языка и слависты произвели определенную классификацию славянских лексических элементов румынского языка с тем, чтобы установить в каких именно областях лексики (тем самым, отчасти, матеральной культуры) более интенсивно проявилось славянское влияние в период VI—XII вв. (Для книжных элементов, проникнутых с церковнославянского следует говорить о влиянии до XVI в.). Такие группировки слов даны в «Истории румынского языка» О. Денсушяну, в ряде статей А. И. Яцимирского¹¹, в работе Б. Цонева *Езиковни взаимности между български и румъни* («История на български език», т. II, София, 1934, стр. 3—151), в книге Т. Капидана «Славянский элемент арумунского диалекта» (*Elementul slav în dialectul aromân*, Buc. 1925). Более подробно подобная классификация славянских элементов дана в вышеупомянутой работе А. Росетти¹².

Многочисленные этимологические заметки появились в разных румынских и иностранных языковедческих журналах («Dacoromania», «Arhiva», «Bulletin linguistique» и мн. др.), как результат творческих исканий славистов и романистов.

Что касается влияния новых славянских языков, на протяжении нескольких десятилетий появился ряд работ, посвященных заимствованиям с русского, украинского, польского и сербского языков¹³.

¹¹ Напр., Славянские заимствования в румынском языке как данные для вопроса о родине румынского племени, «Сб. статей... В. И. Ламанскому», ч. II, СПб. 1908, стр. 792—819.

¹² В ряде работ рассматриваются лишь определенные группы слов, как например: Н. D u m k e, *Die Terminologie des Ackerbaus im Dakorumänischen*, XIX—XX. Jhb. d. Inst. f. rum. Spr., Leipzig, 1913, стр. 65—131; Р. C a n c e l, *Termeni slavi de plug în daco-română*, Buc. 1921; Р. S k o k, *Slave et roumain*, RESI, III, 1—2, 1923, стр. 59—77; А. I. B o c â n e ț u, *Terminologia agrară în limba română*, «Codrul Cosminului», II—III, 1925—1926, Cernăuți. Из более новых работ можно упомянуть, среди многочисленных статей и этимологических заметок: Р. S k o k, *Leksikologijske studije: Rekonstrukcija dačkoslovenskog vokabulara* (оттиск из «Рада...», т. 272), Zagreb, 1948; Z d. W i t t o c h, *Les termes roumains d'origine slave relatifs à la nourriture*, «Romîno-slavica», No. 1, 1948, стр. 63—89.

¹³ Среди них можно упомянуть: С. S a n z e w i t s c h, *Die russischen Elemente romanischen und germanischen Ursprungs im Rumänischen* (II. Jhb. d. Inst. f. rum. Spr., Leipzig, 1895, стр. 193—214); Н. B r ü s k e, *Die russischen und polnischen Elemente im Rumänischen* (XXVI—XXIX. Jhb., 1921, стр. 1—69), с дополнениями и поправками D. S c h e l u d k o, *Nordslavische Elemente im Rumänischen* («Balkan-Archiv», I. Band, 1925, Leipzig, стр. 153—172); M a r g a r e t a C. Ș t e f ă n e s c u, *Elementele rusești-rutene din limba română și vechimea lor*, Iași, 1925; I. P o p o v i c i, *Einige*

Однако, собственно лексикографические работы в «славяно-румынской» области отсутствовали за все эти десятилетия. Казалось бы, что при тогдашних возможностях, XIX век дал больше в этом отношении. На самом деле, 21 год раньше появления работы Миклошича, Я. Гинкулов напечатал свое *Собрание славянских первообразных слов, употребляемых в языке валахо-молдавском* (более 500 слов-корней)¹⁴. Совсем в иных целях составил несколько лет спустя И. Хелиаде-Радулеску свой «Словарь иностранных слов в румынском языке» (1840), содержащий около 1200 слов, среди которых большинство было славянским и которые он рекомендовал читателям не употреблять больше в разговорном и письменном языке¹⁵.

Последовали, в хронологическом порядке, упомянутые выше словари Фр. Миклошича и А. Чихака, которые остаются незаменимыми до настоящего времени. Достоин примечания тот факт, что Миклошич часто цитирует румынские слова в своем *Lexicon palaeoslavenico-graeco-latinum* (Vindobonae, 1862—1865) и в *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* (Wien, 1886). Следуя традиции своего преемника, Э. Бернекер также помещает в *Slavisches etymologisches Wörterbuch* (I. Band, II. Band: Lief. 11, Heidelberg, 1908—1913) румынские заимствования из славянских языков, наряду с венгерскими, албанскими, греческими. Это позволило румынским лексикографам продолжать изучение славянских элементов румынского языка, облегчая в известной мере их разыскания. Но славянские этимологические словари являются лишь рабочими инструментами и никаким образом не могут заменить славянской части румынского этимологического словаря.

Полный этимологический словарь румынского языка был отчасти заменен толковыми и исторически-толковыми румынскими словарями: L. Şăineanu, *Dicţionar universal al limbii române* (I-е изд. 1896; со 2-го издания 1906 г. указываются этимологии)¹⁶; H. Tiktin, *Rumänisch-deutsches Wörterbuch*, I—III (Buc. 1895—1925); I. A. Candrea, *Dicţionarul limbii române din trecut şi de astăzi*¹⁷; A. Scriban, *Dicţionaru limbii româneşti*

Bemerkungen über die serbo-rumänischen Lehnwörter, «Slavia», VII, 1, 1928, стр. 15—24; I. Iordan, *Influenţe ruseşti asupra limbii române*, Buc. 1949; Gh. Mihăilă, *Observaţii asupra influenţei ruse în vocabularul limbii române contemporane*, «Limba română», 1954, No. 3, стр. 27—35.

¹⁴ *Собрание сочинений и переводов, в прозе и стихах, для упражнения в валахо-молдавском языке*, СПб. 1840, стр. 174—200.

¹⁵ *Vocabular de vorbe streine în limba română*. 1840 («Opere», ed. D. Popovici, t. II, Buc. 1943, стр. 319—367). О словаре (*Glossariu care coprinde vorbele din limba romana straine...*, Buc. 1871) А. Т. Лауриана и И. К. Массима нечего и говорить: антинаучный и предвзятый подход к «иностранному» словам был очевидным уже в момент его напечатания. Между прочим, и самому Хелиаде никто не последовал, и его «Словарь» остается простым документом времени.

¹⁶ 6-е изд., Craiova, 1929; 8-е изд. б.г.

¹⁷ *Dicţionarul enciclopedic ilustrat «Cartea Românească»*, Partea I, Buc. 1931.

(Iași, 1939). Все эти авторы дают при словах и краткие этимологические указания. Среди них, наиболее документированным и осмотнительным является Тиктин. Что касается слов славянского происхождения, он не ограничивается указаниями словарей Миклошича и Чихака, а ищет иногда новых путей этимологизирования и нередко приводит собственное наблюдение и дает ценные указания. Хотя, в основном, Кандря следует тем же принципам, он дает всё-таки больше славянских предполагаемых прототипов без ясного аргументирования (он снабжает их знаком *). В этом отношении компилятивный характер славянской части этимологий Кандря проявляется сильнее, чем у Тиктина, хотя и здесь читатель встречает многие этимологии, принадлежащие самому автору или извлеченные из новых источников. Скрибан часто дает довольно богатый славянский сравнительный материал для этимологий, но, местами, без достаточного контроля, а иногда прямо неподходящий. Не останавливаясь на более детальном рассмотрении славянской части этимологий этих словарей, можно отметить, что в большинстве случаев их основным источником остается «Лексикон» Миклошича для так называемых «древнеславянских» («старославянских» — рум. *vechi slave*) элементах.

Известно, что Миклошич составил словарь не только «старословянских» текстов, но и «церковнославянских», в широком смысле этого слова, включая сюда даже некоторые слова, извлеченные только из славяно-румынских грамот (в издании Венелина). В таком случае, нельзя цитировать как «старославянское» слово, встречаемое только в более поздних текстах (болгарской, сербской или русской редакции), а нужно искать более надежный материал в болгарском и сербском языках. Тиктин пользовался для всех этих слов указанием («*kirchenslavisch*»), в то время как Кандря и другие цитируют везде «*vsl.*» («старослав.»). Новый «Словарь румынского языка — толковый, этимологический, иллюстрированный» (находится в печати) поступает в отношении древних заимствований иначе: напр. *plug* — «слав. (стсл. *plugъ*)», указывая этим что слово принадлежит к древнему пласту заимствований и что «старославянская» форма является наиболее древней известной¹⁸. Однако, такая формулировка является менее удачной для книжных, церковных слов, большинство которых имеют, в конечном счете, греческое происхождение: здесь простое указание «ст. сл.» или «церк. сл. (< гр.)» было бы более подходящим (напр. *evanghelie*, *psaltire* и мн. др.).

Немаловажное значение дается этимологиям, в частности славяно-румынским этимологиям, в неоконченном «Словаре румынского языка» Румынской

¹⁸ Идея такого способа подачи принадлежит акад. Э. Петровичу. Ср. сказанное по этому поводу А. Росетти: «Когда мы сопоставляем румынское слово с старославянским или древнеболгарским, это не означает... что румынское слово происходит именно из старославянского, а просто цитированное старославянское слово является наиболее древним известным соответствием румынского слова» (*Influența*, стр. 27).

Академии (*Dicționarul limbii române*, Buc. 1907—1949, A—L, с пропусками). «Знание происхождения того или иного слова — указывал главный редактор словаря С. Пушкариу в докладе, представленном словарной комиссии—необходимо для определения его значений и истории семантического развития. Изучение происхождения слов может во многом способствовать решению многих вопросов истории и культуры румынского народа» (т. I, ч. I, стр. XXXVII). Говоря о трудностях этимологической работы в области румынского языка, С. Пушкариу справедливо указывал, что здесь нужно «быть романистом, славистом, знать албанский, турецкий, новогреческий, венгерский и немецкий языки» и пользоваться наиболее совершенными словарями соседних языков, чего не всегда бывает, и т.п. Вот почему, этимологическая часть словаря менее совершенна, хотя как, оказалось впоследствии, сюда были включены и новые этимологии, нередко с указанием на автора или с изложением противоположных мнений¹⁹.

Этимологист должен быть на самом деле «полиглотом», но в условиях румынского языка идеальной формой работы является сотрудничество романистов, славистов, балкановедов, угроведов, тюркологов и т.п., которые отдельно решали бы вопросы разнородных пластов румынской лексики. На самом деле, за исключением Чихака, никто не пытался единолично решить все этимологии румынского языка. Указанные выше авторы избрали себе либо латинский фонд (Пушкариу, Кандря-Денсушяну), либо заимствования из определенного языка, и никто не может отрицать того, что, например, первые решили свою задачу именно в силу того, что были хорошими романистами.

Что касается нового «Словаря румынского языка» (толковый, этимологический, иллюстрированный), славянская часть этимологий была пересмотрена и дополнена при использовании новых славянских толковых и этимологических словарей. Но, при небольшом объеме этимологической части каждой словарной статьи, было невозможным включить сюда все, что можно было бы использовать в области славяно-румынских этимологий.

Тем более, было невозможным, хотя бы вкратце, осветить трудные вопросы при решении той или иной этимологии. В таких случаях слово остается иногда без указания этимологии, что отнюдь не решает вопроса. Это можно сделать лишь в специальном этимологическом словаре, посвященном славянским заимствованиям, также как латинский фонд и другие пласты заимствований требуют отдельных этимологических работ, которые должны лечь в основу большого этимологического словаря румынского языка²⁰.

¹⁹ См. I. Șiadbeî, указ. см., стр. 25.

²⁰ В румынской лингвистической литературе лишь в последнее время раздаются голоса по вопросу возобновления этимологических разысканий с использованием новых, более совершенных методов работы. См. I. Șiadbeî, указ. см., стр. 30; G. Ivănescu, *Note etimologice. Istoria socială în serviciul etimologiei române*, «Studii și cercetări lingvistice», VIII, 1957, No. 4, стр. 509.

Следовательно, мы еще не располагаем полным этимологическим сводом славянских элементов, составленным на уровне современной лингвистической науки, подобным новому серьезному труду венгерского слависта И. Книежа «Славянские заимствования в венгерском языке» (*A magyar nyelv szláv jövevényszavai*, т. I, ч. 1—2, Budapest, 1955, 1044 стр.). В связи с этим представляется уместным остановиться на принципах составления первого тома обширного исследования венгерского слависта.

Лексический материал распределен на три большие группы: 1) слова несомненно славянского происхождения (около 800); 2) слова сомнительного происхождения, которые, в большинстве случаев, в сами славянские языки проникли из третьего языка (около 800); 3) слова неславянского происхождения, которые ошибочно были отнесены предшествующими исследователями к славянским заимствованиям (около 430)²¹. Кроме этого распределения слов в этимологическом плане, автор различает, с точки зрения общенародного венгерского языка, в каждой группе три категории слов: а) слова, принадлежащие общенародному разговорному языку (из несомненно славянских, например — 460); б) диалектные слова; в) устаревшие слова. Это различие дает возможность выделить стабильные, живые общенародные элементы славянского фонда венгерского языка от устаревших или территориально ограниченных.

И. Книежа следует принципам современной этимологической лексикографии, согласно которой этимология слов дается вместе с их историей на основе письменных памятников²². В начале каждой словарной статьи дается краткая история слова в венгерском языке (первое появление в текстах, варианты форм и развитие значений в историческом порядке, с указанием источников), после чего даются славянские эквиваленты: в первую очередь, дана славянская форма, которая по мнению автора является источником венгерского слова, затем южнославянские формы (ст. сл., церк. сл., болг., с.-х., словенск.), западно-славянские и восточно-славянские. Этот порядок обусловлен необходимостью привести на первом месте старославянскую форму а также тем, что преобладающее большинство славянских заимствований в венгерском языке южнославянского происхождения. Конечно, в случае словацких, чешских и т. п. заимствований указывается на первом месте соответствующая форма. Используя богатый материал (венгерские

²¹ См. резюме на русск. языке, стр. 1038. Числовые указания взяты из статьи П. К и р а й, *Славянское языкознание в Венгрии за последние десять лет*, «Вопросы языкознания», 1957, № 1, стр. 155. См. также И. Н. Г о л е н и щ е в-К у т у з о в, *Славяноведение в Венгрии*, «Известия АН СССР, ОЛЯ», т. XVI, вып. 6, стр. 523—524.

²² Ср., например, A. E r n o u t—A. M e i l l e t, *Dictionnaire étymologique de la langue latine, Histoire des mots*, Paris, 1932; M. V a s m e r, *Russisches etymologisches Wörterbuch*, I-III, Heidelberg, 1950—1958.

тексты и словари, основные лексикографические и лексикологические славянские работы), Книежа имел возможность во многих случаях сказать свое слово в решении этимологии того или иного слова.

Что касается второй группы слов, следует особо подчеркнуть постоянное стремление автора выяснить трудно поддающийся исследованию путь определенного слова до венгерского языка (через славянское посредничество или нет), имея в виду недостаточную разработанность самой исторической лексикологии славянских языков²³.

Наконец, третья группа также имеет свое обоснование: автор счел нужным объяснить исключение этих слов из славянских заимствований и дать, по мере возможности, реальную этимологию (напр., слова, заимствованные из румынского: *bojár* 'rumänischer Edelmann' < рум. *boier*, *zsarda* 'lange Stange' < рум. *joardă*, хотя в румынском они и могут иметь славянскую этимологию).

Основываясь на словаре Тиктина, автор в ряде случаев приводит и румынские слова, заимствованные из славянских языков (реже цитируюся албанские и новогреческие), не претендуя здесь на полноту.

Изучение славянских элементов, предпринятое венгерским славистом, этим не исчерпывается. Во втором, обобщающем томе будут разрабатываться вопросы фонетики, словообразования и семантики заимствованных славянских слов. В книге будет дано подробное описание общественно-исторических условий, в которых протекали процессы заимствования, что очень важно для истории венгерского и славянских народов²⁴.

Используя ценный опыт данной работы, можно предпринять и для румынского языка подобное исследование, если иметь в виду, что во многих случаях мы имеем дело со схожими условиями заимствования и что, в этом отношении, румынская славистика должна идти рука об руку с венгерской славистикой. Более того: если И. Книежа не имел возможности в достаточной мере использовать румынский материал, то исследователи славянских элементов в румынском языке могут пользоваться его работой как одним из важных источников, ибо многие слова заимствованы одновременно венгерским и румынским языками, также как и албаским языком (иногда и новогреческим)²⁵. Открывается, таким образом, возможность предпринять в будущем обобщающие исследования относительно славянского влияния на языки Балканского полуострова и Восточной Европы. Установление лексических пластов, общих для румынского, венгерского и албанского языков может привести к очень важным в историческом и культурном

²³ См. стр. 1038; см. также И. Н. Голенищев-Кутузов, указ. ст., стр. 523—524.

²⁴ См. П. Кирай, указ. ст., стр. 155.

²⁵ Ср., например: венг. *akol* — рум. *ocol* (сл. *okolъ*), венг. *asztag* — рум. *stog* (сл. *stogъ*), венг. *baba* — рум. *babă*, алб. *babë*, нгр. (обл.) βάβα (сл. *baba*) и мн. др.

отношении выводам. Кроме того, учет подобных слов, хорошо изученных во всех отношениях (фонетическом, словообразовательном и семантическом), в будущем этимологическом словаре славянских языков может дать интересный дополнительный материал для истории самих славянских языков в целом. Известно же, что румынский материал, например, неоднократно привлекался для той или иной проблемы сравнительно-исторической фонетики славянских языков (см., например, общие труды Мейе, Гуйера, Селищева, Вайана).

4.

Возвращаясь к этимологическому словарю славянских заимствований в румынском языке, пишуший эти строки позволяет себе сообщить, что работа над собиранием и изучением материала была им начата в 1955 г. в связи с написанием диссертации «Древние южнославянские заимствования в румынском языке»²⁶, которая приняла, в первой своей части, форму своего рода «*dictionnaire raisonné*». Продолжая известную традицию, автор изучил более 600 слов древнейшего фонда славянских заимствований в румынском языке, распределяя их по лексико-грамматическим группам (имена существительные, имена прилагательные, глаголы и т. п.), внутри которых классификация дается по «реалиям». Так, имена существительные были распределены на восемь больших групп, каждая из них с несколькими подгруппами (всего 38 подгрупп), имена прилагательные на пять групп и т. п.²⁷. Кроме собственно этимологической части (при каждом слове приводились соответствия из южнославянских, восточнославянских и — в меньшей мере — западнославянских), в соответствующих разделах рассматривается место данных слов в лексической системе румынского языка, их соотношения с словами латинского фонда и иными заимствованиями, а также вопросы их семантического развития.

Само собой разумеется, что эти соображения и классификация имеют лишь предварительный характер, поскольку не были рассмотрены все напластования славянского происхождения, а слова не были вновь изучены в фонетическом и словообразовательном отношении. Это будет возможным только после составления полного этимологического свода всех славянских заимствований в румынском языке. Существующую картотеку следует дополнить новыми материалами, как из румынских источников, так и славянских²⁸.

²⁶ Собственно говоря, она была защищена в апреле 1957 г. под названием *Слова древне-славянского происхождения в румынском языке*, но такая формулировка менее точна.

²⁷ См. Автореферат диссертации, стр. 5—10.

²⁸ Словарь был включен в план Бухарестского Института языкознания. В настоящее время автор составляет полный словник на основе новых толковых словарей румынского языка и других источников. Старая картотека основывалась, главным образом, на словаре Кандря, наиболее полном до недавнего времени.

В общих чертах, в основе данного этимологического словаря будут лежать:

1. Все основные словари румынского языка: этимологические, исторически-толковые и толковые (Гинкулов, Миклошич, Чихак, Хаждеу, Тиктин, Кандря, Шаиняну, Скрибан, «Словарь румынского языка» (неоконченный), четырехтомный «Словарь современного румынского литературного языка» (*Dicționarul limbii române literare contemporane*, I — IV, Бус. 1955—1957)²⁹, «Словарь румынского языка — толковый, этимологический, иллюстрированный» (*Dicționarul limbii române moderne — explicativ, etimologic și ilustrat*, находящийся в печати)³⁰.

2. Картотека большого румынского словаря (Thesaurus), картотека и рукопись «Диалектального словаря», составляющегося в настоящее время клужскими и яскими лексикографами, а также диалектальные глоссарии, опубликованные в разное время, глоссарии к старорумынским текстам и т.п.

3. «Румынский лингвистический атлас» (ALR, ALRM), старая и новая серия (включая подготавливающиеся к печати тома), в целях наиболее точного территориального определения слов и их конкретных значений.

4. Словари и глоссарии задунайских диалектов «общерумынского» языка: арумынский, меглено-румынский, истро-румынский (словари и глоссарии Mihăileanu, Dalametra, Capidan, Pușcariu, Pașahagi и др.).

5. Общие и частные работы по славянскому влиянию на румынский язык, опубликованные в Румынии и за границей со второй половины XIX в. до настоящего времени.

6. Все этимологические словари славянских языков, появившиеся в течение более семи десятилетий (Miklosich, Berneker, Преображенский, Trautmann, Brückner, Младенов, Holub — Kopečný, Vasmer, Sławski, Machek)³¹, и другие работы по славянской лексикологии и этимологии. (Сюда нужно добавить еще общие индоевропейские этимологические словари Walde — Pokorny и Pokorny).

7. Словари старославянского и церковно-славянского языка (Miklosich, Sadnik — Aitzetmüller), глоссарии к старославянским памятникам и пр., не говоря уже о необходимости использования материалов словаря старославянского языка, также как и этимологического словаря славянских языков, составляемых Чехословацкой Академией Наук³².

8. Толковые и исторические (когда таковые имеются) словари славянских языков: болгарского, сербско-хорватского, словенского, украин-

²⁹ Составлен Бухарестским и Клужским институтами языкознания Акад. РНР.

³⁰ Составлен Бухарестским институтом языкознания.

³¹ О проблематике этимологических словарей славянских языков см., в последнее время, статью О. Н. Трубачева, *Принципы построения этимологических словарей славянских языков*, «Вопросы языкознания», 1957, № 5, стр. 58—72.

³² См. отчет: *Konference o slovníku jazyka staroslověnského a o etymologickém slovníku jazyků slovanských* (J. Kurz, R. Večerká, E. Havlová), «Slavia», XXIV, 1, стр. 123—145.

ского, русского, белорусского, польского, словацкого, чешского, верхне- и нижне-лужицкого, а также другие лексикологические и диалектологические работы по этим языкам, в особенности по болгарскому, сербско-хорватскому и украинскому.

9. Этимологические и толковые словари венгерского, албанского и новогреческого языков, а также работы, посвященные славянским элементам в этих языках и греческим словам в славянских и румынском языках.

Таковы основные источники будущего этимологического словаря славянских элементов в румынском языке, словаря, который должен содержать возможно все заимствования, как древний славянский пласт, относящийся к периоду славяно-румынского билингвизма (примерно с VI по XII в.), так и более новые заимствования, проникшие в румынский язык книжным путем (церковнославянские слова, позднее, с XVIII в., русские заимствования) или устным (диалектные заимствования из болгарского, сербско-хорватского и украинского, имеющие более или менее широкое распространение на территории румынского языка). Устаревшие слова, как и узко-диалектальные, будет целесообразным выделить определенным способом, также как это делает И. Книежа (применением различных шрифтов).

В отношении словника остается открытым вопрос о включении топониматики, ономастики и этнонимов славянского происхождения. Если топонимастика выходит за рамки обычного этимологического словаря³³ и требует специальных разысканий³⁴, то названия народов, личные имена и фамилии (хотя бы наиболее употребляемые в общенародном языке) должны найти здесь свое место (напр. *Pirvu*, *Bogdan*, *neamț* 'немец' и др.).

Также остается выяснить в течение работы, должны ли быть включены румынские производные данных славянских слов. Иногда мы затрудняемся объявить данное слово производным на почве румынского языка или же на славянской почве, поскольку многие славянские суффиксы прочно вошли в словообразовательную систему румынского языка (напр. —*nic*, —*iță*, —*iște* и мн. др.). Нередко тот или иной славянский корень представлен в румынском языке двумя или несколькими словами (напр. *drag* — *dragoste*, а *munci* 'трудиться, работать' — *muncă*, 'труд, работа'), которые должны найти свое место в словаре. Чихак, например, объединяет слова славянского происхождения в большие гнезда, хотя нередко по очень отдаленным признакам этимологически-словообразовательного родства (напр. *zăpadă* 'снег' оказывается у него в том же гнезде, что и *năpădesc*, *năpaste*, *prăpădesc*, *prăpaste*; т. II, стр. 210—211). Но здесь важен принцип, и в этом отношении Чихак поступил правильно. Также, Кандря — Денсушяну в этимологическом

³³ Однако словарь М. Фасмера содержит многочисленные топонимические названия, также как и этнонимы, личные имена и фамилии, что придает ему еще больше ценности.

³⁴ Вопросами славянской топонимики на территории РНР в последнее время занимается акад. Э. Петрович.

словаре латиского фонда румынского языка помещают в словарной статье производные, что вызвало только одобрение читателей. Во всяком случае, включение в словарь основных производных будет способствовать выяснению жизненности тех или иных слов и представлять материал для словообразовательных исследований.

Каждая словарная статья будущего этимологического словаря будет иметь несколько параграфов, в которых обязательно должны содержаться:

1. Варианты и значения румынского слова в историческом порядке, с использованием данных текстов начиная с XVI в.³⁵, а также сведения о территориальной распространенности данного слова; здесь же будут указываться соответствующие формы в арумынском, меглено-румынском и истро-румынском диалектах, в случаях, когда имеющиеся материалы свидетельствуют об их наличии в данных диалектах³⁶.

2. Этимологическая часть. Для слов древнего пласта заимствований будут даваться лексические соответствия во всех славянских языках (где они встречаются): на первом месте старославянская форма или общеславянская (точнее, обще-южнославянская), потом болгарская, сербско-хорватская, словенская, за которыми следуют восточнославянские и западнославянские (вероятнее всего в скобках, поскольку они интересуют нас лишь в лексико-семантическом отношении), с указанием основных значений, в первую очередь для южнославянских. Для новых заимствований дается соответствующая форма (укр., русск.), с привлечением сравнительного материала (например, в случае поздних сербских и болгарских заимствований нужно привести обе формы, при русских и украинских словах нужно иногда привести и польскую форму и т.п.). В рамках возможности должны даваться и хронологические указания, например, в отношении русских заимствований.

Что касается устных заимствований с южнославянских языков хронологическим критерием должны служить фонетические показатели, а

³⁵ Нередко нужно привлекать сюда и данные славяно-румынских текстов, как это хорошо доказал для слова *cinste* 'честь' И. Барбулеску (*Studii privitoare la limba și istoria Românilor*, Buc. 1902, стр. 33 и след.). Ср. также новую этимологию, предложенную для рум. *prăvălie* 'лавка' G. h. I. v. ă n e s c u (указ. см., стр. 516—517: в славяно-румынских текстах *привнѣлѣ*, *привнѣлѣ* < гр. виз. *πριβιλήγιον* < лат. *privilegium*).

³⁶ Подобно любому словарю румынского языка, этот словарь не должен одновременно содержать всех славянских элементов данных диалектов. Вообще же вопрос остается открытым: поскольку общий румынский словарь не включает арумынских и т.п. слов, тем самым признается что арумынский, меглено-румынский и истро-румынский «диалекты» или «языки» уже не принадлежат к румынскому языку. В прошлом же они составляли вместе с дако-румынским так называемый «общерумынский язык». См. A. l. G r a u r, *Studii de lingvistică generală*, Buc. 1955, стр. 127; его же, *Dialectele limbii române*, «Limba română», 1956, No. 4, стр. 66—69. Противоположную, традиционную, точку зрения защищает в последнее время D. M a s c r e a, *Despre dialectele limbii române*, там же, 1956, No. 1, стр. 5—24, и *Cîteva precizări în legătură cu problema dialectelor limbii române*, там же, 1956, No. 4, стр. 70—74.

также территориальная распространенность слова (например, если слово господствует на всей территории румынского языка, включая задунайские диалекты — например, *nevastă* 'жена' — есть все основания считать его древним заимствованием). Тем самым решается вопрос, является ли данное слово « субстратным » или же это позднее заимствование из болгарских или сербских диалектов (не говоря уже о книжных заимствованиях) ³⁷.

3. Соответствующие слова, заимствованные венгерским и албанским языками (иногда и новогреческим), с указанием основных значений (и источников).

4. Библиографическая часть: осылки на основные славянские этимологические словари, где дан соответствующий этимон, на этимологические (и историко-этимологические и пр.) румынские словари, где появляется данная этимология, на работы, статьи, и т.п., где даются новые этимологии слов, поправки к старым этимологиям и т.п. Противоположные мнения, в случае сомнительных слов, также будут кратко обсуждаться.

Пока недостаточно ясно, должны выделяться в отдельную часть слова сомнительного происхождения. Это будет возможным решать лишь после собирания основного материала, когда у автора будет возможность принять ту или иную точку зрения (напр., в случае неоднократно обсуждавшихся *baltă* 'болото', *gard* 'изгородь' и др.) ³⁸.

Тогда же будет возможным решать вопрос о подаче греческих слов (главным образом церковного лексикона), проникших через церковнославянский язык.

Что касается написания славянских слов, существуют два варианта: 1) передача слов в оригинальной орфографии (старославянской, русской, украинской, болгарской и т.п.). 2) научная транскрипция (точнее, транслитерация) слов ст. сл., русск., укр., болг. языков (и в том, и в ином случае слова латинизирующих славянских языков даются своей орфографией). Первый вариант удобнее и является абсолютно научным, но в неславянской стране, как Румыния, чтение слов неспециалистами будет затруднительным. При втором варианте фонетика слова вырисовывается читателю яснее и, если принципы транслитерции строго соблюдаются, такой способ может удовлетворить любого читателя. Книежа, например, дает все славянские слова (языков, пользующихся кирилловской азбукой) в латинской транскрипции. Бернекер давал лишь русские слова в оригинальной орфографии, транскрибируя остальные формы, в том числе старославянские. Фасмер поступает так же.

³⁷ См., в особенности, сказанное по этому поводу С. Б. Бернштейном, *Разыскания в области болгарской исторической диалектологии*, т. I, М.-Л., 1948, стр. 123—127.

³⁸ О сложных вопросах, которые ставят некоторые из славянских или предполагаемых славянских элементов, см. напр. I. Şia d b e i, *Problemele vocabularului român comin*, Iaşi, 1934, стр. 26—41.

Таков общий план этимологического словаря славянских заимствований в румынском языке, во многом обязанный работе акад. И. Книежа. Для иллюстрации широты проблем, которые возникают при изучении определенного слова, этимология которого в общем известна, остановимся на некоторых конкретных примерах.

5.

Известно, что румынское слово *prost* происходит из слав. *prostъ* (точнее, из юго-восточных диалектов болгарского типа), но история его значений далеко не освещена в должной мере в научной литературе. Так, в «Грамматике румынского языка» утверждается, например, что значение «глупый» обязано своим появлением жаргонному употреблению слова *prost* в устах господствующих классов³⁹.

На самом деле история развития значений данного слова намного сложнее и, если здесь присутствуют и социальные причины, то отнюдь не в этом направлении. К тому же, значения румынского слова соответствуют значениям данного слова в славянских языках и, в первую очередь, в болгарском. Ср. рум. *prost* '1. (устар., нар.) простой. 2. обычный. 3. неумелый. 4. неученый. 5. глупый. 6. принадлежащий к низшим классам. 7. плохого качества, плохой' — болг. *прост* '1. простой. 2. обычный. 3. неученый. 4. глупый. 5. принадлежащий к низшим классам. 6. плохого качества'⁴⁰.

Образованное из префикса **pro-* и корня **slo-*, 'stare' общеславянское (праславянское) слово *pro-stъ* первоначально означало 'прямой, простертый', а потом и 'простой, обыкновенный' и т.п.⁴¹, значения, которые ещё встречаются в старославянском, древнерусском и украинском языках. В средневековых текстах (русских, болгарских, сербских) слово «*прост*» появляется также со значением 'простой (народ), laicus' (в противоположность духовенству), а в южнославянских языках постепенно получает и значения 'неученый; глупый' (ср. также в русском языке краткую форму

³⁹ «... Cuvîntul *prost* înseamnă la început «simplu», «din popor», «de rînd». Clasele stăpînitore au imprimat termenului *prost* o nuanță de dispreț și cuvîntul a ajuns să însemne «fără minte, neghiob» (*Gramatica limbii romîne*, vol. I, Buc., Academia R.P.R., 1954, стр. 34). Еще более ярко эта идея выступает в соответствующем месте сокращенного издания — *Limba romînă. Fonetică-Vocabular — Gramatică* (Buc. 1956, Academia R.P.R., стр. 22).

⁴⁰ Значения расположены в историческом порядке: в современном румынском языке на первом месте выступает значение «глупый». Показательно, что в отличие от *Речника Герова* (IV, 313—314), новый *Български тълковен речник* (авторы Л. Андрейчин и др., София, 1955, стр. 695—696) выдвигает на первый план также значение «глупый», за которым следуют другие.

⁴¹ Объяснение развития значений было впервые дано А. А. Потебней (*К истории звуков русского языка*. III. Этимологические и другие заметки, отиск из «Р.Ф.В.», 1880 г., Варшава, 1881, стр. 51). См. А. Преображенский, *Эт. словарь*, II, 134; M. Vasmer, *REW*, II, 144.

прост). В венгерском языке то же слово славянского происхождения *paraszt* имеет следующие значения (в историческом порядке), из которых лишь последнее — не встречающееся в славянских языках — является живым в современном венг. языке: '1. simplex, rectus. 2. communis, vulgaris, trivialis. 3. rudis, barbarus, inurbanus. 4. indoctus. 5. laicus. 6. rusticus, agrestis, Landmann (крестьянин)' ⁴².

Таким образом, ясно что румынский и венгерский языки заимствовали полисемантическое слово, развитие которого протекало отчасти сходным путем с соответствующим словом славянских языков (в особенности, болг.), отчасти своим собственным путем (венг.), имея, в основном, те же лингвистические, психологические ⁴³ и социальные условия (напр. 6-е рум. значение и соответствующие значения слов в венг. и славянских языках). Более того, первоначальное славянское значение — 'прямой' сохраняется в арумынском, где *mpróstu* означает еще 'прямой, стоящий на ногах' ⁴⁴, что указывает, между прочим, на древнее проникновение этого слова в «румынские» диалекты.

Если взять другое слово, распространенное лишь на определенной территории румынского языка, как, например, *stative*, то данные «Румынского лингвистического атласа» (ALR II, новая серия, т. II, к. 470, 471; ALRM II, новая серия, т. I, к. 300, 301) указывают ясно, что это слово заимствовано из украинских диалектов, а не из сербских: данное слово распространено лишь на севере Молдавии, в Марамуреше и в северо-восточной Трансильвании, не только в значении 'ткацкий станок' но и 'определенная часть ткацкого станка' (= укр. *статива*) ⁴⁵. Его синоним *război* (ср. болг. *разбой* 'ткацкий станок', с.-х. *разбој* 'то же') безусловно более древнее заимствование из южнославянских диалектов: это слово распространено почти на всей территории румынского языка, включая центральную и западную Трансильванию, а также южную Молдавию. Но когда именно оно проникло в румынский язык, можно решить лишь в связи с другими заимствованиями, относящимися к возделыванию сукна и пр. (поскольку нет налицо особых фонетических показателей).

⁴² См. K n i e z s a, указ. раб., стр. 389. История венгерского слова была детально изучена в обширной статье P. K i r á l y, *Geschichte des ung. Wörtes paraszt «Bauer»* («Acta linguistica», t. III, fasc. 1—2, Budapest, 1953, стр. 63—123).

⁴³ Ср., например, фр. *simple* и в значении «naïf, sans malice et par extension naïs» (*Dictionnaire Quillet de la langue française*, t. III, стр. 1794) Ср. Ж. Вандриес, *Язык*, русск. пер., М. 1937: «Простосердечие — достоинство характера — превращается в простоватость — недостаток ума. По-французски слово *simple* (простой) и по-немецки *einfältig* (то же значение) означают человека глуповатого или даже совсем глупого» (стр. 194).

⁴⁴ См. I. D a l a m e t r a, *Dictionar macedo-român*, Buc. 1906, стр. 142; T h. C a r i d a n, *Elementul slav în dialectul aromân*, Buc. 1925, стр. 73.

⁴⁵ Б. Гринченко, *Словарь української мови*, Держ. вид. Укр. 1925, стр. 180, 1815.

Подобных примеров можно привести здесь множество. Они ведут к заключению, что в изучении славянских элементов румынского языка нужно иметь в виду не только форму слова, но и его семантику, а также ареал распространения.

Только на основе полного словаря, решающего отдельно этимологию каждого слова, можно довести до конца тематическую классификацию славянских элементов румынского языка, всесторонне разрабатывать вопросы фонетики, словообразования и семантики заимствованных слов. Тогда станут ясны выводы, которые вытекают из языкового материала относительно культурно-исторических отношений румынского и славянских народов в раннее средневековье, а также в последующие века. Подобным изучением можно внести определенный вклад в разработку более обширного вопроса «формирования» румынского языка и народа и участия в этом процессе славянского элемента.

Словарь славянских заимствований в румынском языке мог бы появиться к столетию опубликования знаменитой работы Фр. Миклошича (1861 г.—1961 г.), будучи тем самым скромным «homage» нескольким поколениям славистов и романистов, которые внесли свой вклад в дело изучения этой обширной проблемы «славо-романистики».